

Поэтический марафон «РИФМЫ_440»

Перечень стихотворений:

1. Ананьин Юрий «Над Архангельском ночи белые»
2. Баренц Сергей «Беломорье»
3. Вадим Беднов «Возвращение»
4. Вадим Беднов «Трескоеды»
5. Ваншенкин Константин «Северный порт»
6. Евтушенко Евгений «Белые ночи в Архангельске»
7. Есенин Сергей «Небо ли такое белое»
8. Жилкин Владимир «Песня о нашем городе»
9. Журавлёв Николай «Заглавные краски»
10. Журавлёв Николай «Север»
11. Зиновкин Майк «Северный город ангелов»
12. Лёвушкин Анатолий «Белая ночь»
13. Лёвушкин Анатолий «Над Архангельском – пух тополей»
14. Макарына Светлана «Северным городам»
15. Матонин Василий «Какая разница, куда идёт вагон?»
16. Матонина Юлия «Архангельск»
17. Мусиков Владимир «Осень на Двине»
18. Мусонова Людмила «На Северной Двине»
19. Мысов Иван «Размышления о Северной Двине»
20. Наровчатов Сергей «На Кузнечихе»
21. Пономарев Евгений «Шаги»
22. Попов Владимир «Архангельский мотив»
23. Ушаков Дмитрий «Архангельску»
24. Фокина Ольга «Соломбалка»
25. Чубар Валерий «Ветер с Двины»
26. Яшин Александр «Запасаемся светом»

Тексты стихотворений:

Юрий Ананьин

Над Архангельском ночи белые,
Словно белые сны плывут.
Будто яблони цвета спелого
Ветви бросили в синеву.
От черёмухи заметелило.
Белым вышита, даль светла.
И зачем Двина к морю Белому
Воды светлые понесла?
Над Архангельском ночи белые,
Словно лебеди всей земли
На свидание с краем северным
Сказку белую принесли.
Добрый сказочник,
Песней смелою
Даль заречную огласи.
И, пожалуйста, ночку белую
Преждевременно не гаси.

Сергей Баренц

Беломорье

Распластали крылья зори.
Ох, и крылья широки!
Это - наше Беломорье,
Красногорье,
Краснозерье,
Запах хвои и трески.
Тут шумит тайга густая.
А на Северной Двине
Ты увидишь, как, сгорая,
Обжигая,
Зори тают
На встревоженной волне.
К нам в Архангельск,
В Холмогоры
Едут люди дальних стран.
Здесь услышишь о поморах -
В деле споров,
Шибко скорых,
Что ходили на Грумант.
А живая песня-птица
Прилетит - звенит душа!
Белой ночью молодежи
В Золотице,
В Бакарице
На свиданье с ней спешат.
Этой песне сердце вторит
На делянке, у костра.
С ней на стройках и в дозоре
Беломорье,
Краснозерье-
Навсегда мне близкий край.

Вадим Беднов

Возвращение

Подъезжаю к родному городу,
подгоняя мысленно поезд;
подъезжаю к родному холоду
и в окно гляжу, беспокоясь.

Убирают постели с полок.
Грампластинки не умолкают.
Вереницы знакомых ёлок
перед самым лицом мелькают.

Проплывают луга озябшие
и дороги – как речки вешние.
Машут,
 будто меня узнавшие,
на разъездах ребята здешние.

Вот и мост над Двиной – как радуга,
осторожнее стук колёсный...
Не могу уезжать я надолго:
каждый месяц мне – год високосный!

Уплыву ль к берегам кисельным я,
загляжусь ли на горы золотые,
снятся песни наши метельные,
ночи летние, молодые.

«...Дома – лучше», – гласит пословица.
Подъезжаю к родному городу,
подъезжаю к родному холоду –
и теплей на душе становится.

Вадим Беднов

Трескоеды

«Архангелогородцы–трескоеды!» –
так дразнят нас. Да не в обиде мы:
трещочку любим, ловим.

 И обеда
тресковые в разгар лихой зимы
утешат нас – накормят до отвала,
заменят нам любой деликатес.
С устатку-то навалимся, бывало,
едим треску, а за ушами треск!
В Архангельске ну кто её не ест?!

С нежнейшим выраженьем на лице
поморы скажут:

 «Эх, баска тресоцка!» –
как будто это жёнка или дочка.
У северных поморов свой прицел:
они не прочь треской осолониться
и самовару в пояс поклониться,
и пить, ну как на каменку плескать –
спокон веков в народе говорится,
что не гуляет посуху треска.

Приезжие, бывает, про тоску,
про холода заводят разговоры...
Да бросьте, братцы, кушайте треску –
развеселитесь и свернете горы!
Представьте-капоморский натюрморт:
лежит она на латке, разомлела,
пахуча и румяна, и дебела,
а по бокам – картошечка...
М-м... Чёрт!
Треска. Царь-рыба! Самый высший сорт.

С утра уходят в море сейнера,
Ловись-ка, рыбка, краше серебра!
...Пошла! Пошла!! Пошла!!!
Трезвонят рынды,
как будто бьют во все колокола.
Не возвратятся рыбаки без рыбы.
...Нет без трещочки рыбного стола:
ушицу нашу кушает столица,
облизывает ложку за граница –
тресковая уха, как мир, стара.

Товарищ позвонил издалека –
оттуда, где молочная река
и птичьего в достатке молока,
да только там не водится треска.
А мой товарищ тоже трескоед.
«Мне без неё, – кричит, – спасенья нет,
не лезут в рот ни пиво, ни обед!
Я с голоду помру или с тоски,
коль не пришлешь солёненькой трески!»

...В Архангельске ну кто не трескоед?!
Уверен, что таких в помине нет;
не вдохновится без неё поэт.
И был бы бог, сказал бы он, погладив
свою браду, пропахшую треской:
«Трески не есть – грешно в святом-то граде!»
Но бога нет, а есть закон морской:
«Рубай треску! –
наказывали деды. –
Архангелогородцы–трескоеды!»

Константин Ваншенкин

Северный порт

Глухо стояли леса – нелюдимы.
Дули ветра.
Белые ночи и снежные зимы.
Шпага Петра.
Город Архангельск, векам своим вторя,
Памятью горд.
Возле студеного Белого моря
Северный порт.
Нас поражали одним своим видом
Те корабли,
Что от Двины по морям ледовитым
К Полюсу шли.
Над океанской зеленой волною
Вздыбленный борт.
Меченый жизнью, любовью, войною
Северный порт.
Женские лица и грохот железа.
Жизни размах.
И отраженное золото леса
В синих глазах.
Солью морскою и стужей любую
В сердце не стерт.
Ставший приметой и нашей судьбою
Северный порт.

Евгений Евтушенко

Белые ночи в Архангельске

Белые ночи — сплошное «быть может»...
Светится что-то и странно тревожит —
может быть, солнце, а может, луна.
Может быть, с грустью, а может, с весельем,
может, Архангельском, может, Марселем
бродят новехонькие штурмана.
С ними в обнимку официантки,
а под бровями, как лодки-ледянки,
ходят, покачиваясь, глаза.
Разве подскажут шалонника гулы,
надо ли им отстранять свои губы?
Может быть, надо, а может, нельзя.
Чайки над мачтами с криками вьются —
может быть, плачут, а может, смеются.
И у причала, прощаясь, моряк
женщину в губы целует протяжно:
«Как твое имя?» — «Это не важно...»
Может, и так, а быть может, не так.

Вот он восходит по трапу на шхуну:
«Я привезу тебе нерпичью шкуру!»
Ну, а забыл, что не знает — куда.
Женщина молча стоять остается.
Кто его знает — быть может, вернется,
может быть, нет, ну, а может быть, да.
Чудится мне у причала невольно:
чайки — не чайки, волны — не волны,
он и она — не он и она:
все это — белых ночей переливы,
все это — только наплывы, наплывы,
может, бессонницы, может быть, сна.
Шхуна гудит напряженно, прощально.
Он уже больше не смотрит печально.
Вот он, отдельный, далекий, плывет,
смачно спуская соленые шутки
в может быть море, на может быть шхуне,
может быть, тот, а быть может, не тот.
И безымянно стоит у причала —
может, конец, а быть может, начало —
женщина в легоньком сером пальто,
медленно тая комочком тумана, —
может быть, Вера, а может, Тамара,
может быть, Зоя, а может, никто...

Сергей Есенин

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.
Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.
Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно — Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.
Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит,
Подпеваешь тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.
Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

Владимир Жилкин
Песня о нашем городе

Я люблю тебя, порт белопарусный,
С островами в низовьях Двины.
Ни моряна, ни сиверко яростный
Капитанам твоим не страшны.

Я люблю под зюйдвестками пристальный
Не робеющий взгляд северян,
Соломбальские тихие пристани,
Кузнечиху и Смольный буйан.

Так расти же для радости жителей
И красуйся во веки веков,
Город северных судостроителей,
Лесопильщиков и моряков!

Я люблю, когда утром купаются
В розовеющей мгле островки,
И по Маймаксе всей просыпаются
Целлюлозники и речники.

Завывают, как ветер пронзительный,
У причалов сирены судов,
Откликается судостроительный,
И сульфатный к работе готов.

Так расти же для радости жителей
И красуйся во веки веков,
Город северных судостроителей,
Лесопильщиков и моряков.

Я люблю твои сумерки синие,
Листопад на камнях площадей,
И морские причальные линии,
И на улицах стайки детей.

И веселого, русоволосого,
Прилетевшего издалека,
С кипой книг моего земляка
Возле памятника Ломоносову.

Так расти же для радости жителей
И красуйся на веки веков,
Город северных судостроителей,
Лесопильщиков и моряков!

Николай Журавлёв

Заглавные краски

Белый цвет
И зелёный,
Защитный наш цвет –
Вот заглавные краски
Поморских примет.
Белый снег,
Белый дым,
Белой ночи уют,
Даже море холодное
Белым зовут.
Белокаменный город
Над белой волной,
Белокрылые чайки
Парят над Двиной.
Лебедями на рейде
Белеют вдали
Корабли,
Корабли,
Корабли,
Корабли.
Белый цвет –
Чистота,
Белый цвет –
Красота,
Незапятнанность душ
И мечты высота.
И на страже её
С незапамятных лет
Цвет зелёной тайги –
Защитительный цвет.

Николай Журавлёв

Север

За рекой Двиной закаты медятся
В сосняке, куда не кинешь взор.
Ночи здесь ковшом Большой медведицы
Черпают прохладу из озёр.
Наши зимы длинные-предлинные.
Наше лето – вовсе без ночей,
Носят люди бороды былинные
И не терпят сахарных речей.
Здесь из досок тротуары делают,
А они под каблуком стучат,
Здесь весной морошкой недозрелую
Розовеют губы у девчат.
Красит небо сполохами-сказками
Буйнокудрый кипеневый май...

Север, Север!
До чего ж ты ласковый,
Мой морянный край!

Майк Зиновкин
Северный город ангелов

Если очень устал, если вдруг одолела тебя тоска
В мегаполисе, где жизнь в два раза быстрее бежит.
Поезжай отдохнуть и начни, ну, хотя бы с Архангельска –
Здесь есть всё, чтобы зажили раны твоей души.

Здесь прохладное лето, здесь солнце не так печёт,
Как на тех же югах, но ведь север на то и есть,
И морозно зимой: всюду снег и коварный лёд –
Ощущенье такое, что полюс, он где-то здесь.

Но зато тут есть белые ночи – таких ночей
Даже в Питере нет (зря они задирают нос),
И недлинные пробки, и люди у нас добрей.
По мосткам деревянным под сенью кривых берёз

Ты пройдёшься, и станет на сердце опять светлей,
Словно не было всех этих дрязг, передряг, забот –
Старый город коснётся дыханьем своих аллей,
И отступит печаль непременно, и боль пройдёт.

И не верь никому, будто здесь всё, что есть лишь – доска, треска
Да плохая погода. Гони эту ложь взашей!
Ты полюбишь его, будешь ты без ума от Архангельска!
Не тани, приезжай! Мы тебя жаждали уже.

Анатолий Лёвушкин
Белая ночь

В Архангельске - белые ночи.
И в полночь Архангельск дневной.
Я с белою ночью

воочью

встречаюсь над сонной Двиной.
Встречаюсь, ничуть не отчаясь,
что нынче опять не до сна.

Как лодка, от пирса отчалюсь,
покорна удару весла,
так я этой ночи покорен,
в ней что-то зовущее есть.

А Север могуч и просторен,
навстречу распахнутый весь.

А Север обманами дразнит:
здесь полночь,

как утро,

точь-в-точь.
Какой-то неведомый праздник
сулит эта белая ночь.
Неверного шага не делай,
назад повернуть не спеши.
Побудь в этой полночи белой,
в нетронутой этой тиши,
в немеркнувшей роскоши света.
Гони все сомнения прочь!
Последняя песня не спета,
не кончилась белая ночь.

Анатолий Лёвушкин

Над Архангельском – пух тополей
Невесомый,
 неслышный,
 свободный.
всё щедрей,
 всё смелей,
 всё бодрей
куролесит снежок нехолодный.
Будто летом –
 метели зимы
(тут и вправду
 июль озадачен).
Белый пух –
 словно счастье взаимы,
и при этом
 взаимы
 без отдачи!
В обе горсти полнее бери!
Разве мало его?
 Разве мало?!
Видишь:
 всюду
 в сиянье зари
тополёвый снежок разметало.
Там,
 где ночи полярной
 стена,
там,
 где море волнуется
 глухо, –
будет
 нам не хватать,

В жизни вашей чуть больше ночи,
Ветра,
Снега
и поездов.

Василий Матонин

Какая разница, куда идёт вагон?
Сказали «в парк», но, может быть, и далее? –
До Филиппин, до солнечной Италии...
Я с ним, я в нём, туда, куда и он.
Пускай морозит в дальней стороне,
Пускай Фактория, но маршрут-то южный!
Дойду пешком до улицы невьюжной,
По рельсе – по натянутой струне.
Ступлю два шага, упаду, но всё же
Моё паденье на полёт похоже,
А песенка, звучащая во мне
Похожа на падение вдвойне.

Юлия Матонина

Архангельск

Укрытый белою ночью, утомлённый,
В объятиях прирученной Двины,
Быть чужаком навеки обреченный,
Не спит Архангельск и не видит сны.
Явившись в мир реальности как сказка,
Хоть сна не видно в голубых глазах,
Напившись света и по-свойски ласков,
Преданьями воскреснет в образах.
Я чувствую горчащий запах хвои,
И ветра шум, и таинство лесов.
Я помню Север перед аналоем,
Затмивший сотни южных голосов.

Владимир Мусиков

Осень на Двине

С. Г. Писахову

Не золотом рощ Левитана
Приметна она на Двине,
А дующей лихо моряной
И гребнем на грузной волне.

Идут косяками барашки
Судам океанским вослед,

А солнцу за тучею тяжкой
Как будто и выхода нет.

А в сквере деревья обвисли,
И северной осени в дар
Холодные рыжие листья
На мокрый летят тротуар.

Но смуглые парни из Кубы
Шагают ветрам вопреки
К большому теплу интерклуба.
Где наши их ждут моряки.

Шагают столицей поморов
На добрый сердечный огонь,
Ведут не спеша разговоры
И ловят дождевки в ладонь

Мусонова Людмила
На Северной Двине

Хлесткие волны, как серые волки,
Остро сверкают клыками,
И, стосковавшись по воле недолгой,
Льдины кромсают и камень.
Руку и ту, не жалея, прокусит
Стужей волна ледяная.
Вглубь, словно в стужу, не каждого впустит
Север, сторонка родная.
Хмурый, родной, неприветливый Север,
Ласки ль тебе не хватает?
Вот – мои руки. С тоскою весенней
Только они совладают.
Реденьким седеньким дождиком сеешь...
Солнца ль тебе не хватает?
Вот – мое сердце, покуда жива я,
Искры тепла высекает.
Мой обрученный, глаза светло-серы,
Север...

Мысов Иван
Размышления о Северной Двине

Морозит. Утро. Тишина.
Стою на берегу один.
Со мною рядом лишь Двина,
А над рекою глыбы льдин.
Не слышно плеска мирных вод,
Речное сердце не стучит.

Но знаю я: растает лёд
И солнце реку оживит.
Вздыбятся волны над Двиной,
И понесутся воды вдаль...
И заберут они с собой
Ненастья, горечи, печаль.
Всё то, чем люди в трудный час
Делились с ней. Шутя и смело
Она покорно всё терпела.
Но не сдержалась в этот раз!
Есть, видно, память у воды
(об этом много говорилось).
Не смей же зла ей сделать ты,
Чтобы оно не возвратилось!
Отдай святую дань Двине,
Что сотни лет поморов поит
И кормит. Той, что в тишине
Напоминает: «Жить-то стоит!»
Темнеет. В мыслях день прошёл,
И сам даёшь зарок себе:
«Куда бы путь тебя ни вёл,
Будь верен Северной Двине!»

Сергей Наровчатов
На Кузнечихе

Пройди по Кузнечихе в воскресенье,
По шумной, по веселой, по хмельной,
Где, словно трав весеннее цветенье,
Платки девчат горят над мостовой,

Где золотые с черным ленты плещут
Меж синих и малиновых погон,
Где ветер платья, словно карты, мечет,
Полста оттенков выкинув на кон.

Здесь в этот день веселье не в находку,
В бараках, прикорнувших у реки,
Отменную матросскую чечетку
Лихие выбивают каблуки.

И чуть ли не у каждого порога
Заливистые плачутся меха
Про море, что раскинулось широко,
Про гибельную участь Ермака.

Но близко полночь. И опять всё тихо,
На белом небе свет белесых звезд.
Я б хорошо зажил на Кузнечихе,
Когда б не помнил про Кузнецкий мост.

Пономарев Евгений

Шаги

1

Двина. Правый берег
оделся в гранит.
О, сколько шагов
этот берег хранит.
Шагов неизвестных
и знатных людей.
И русских, и немцев,
и прочих кровей.
Шаги корабелов,
шаги моряков,
искусных и смелых
моих земляков.

2

Вдоль славной реки
прокатились с утра
купчишки шаги
и шажищи Петра.
Когда, окружённый
шумливой толпой,
он шел, окрыленный
великой мечтой,
Угнаться за ним
можно было едва ль,
ведь шаг его каждый –
длиною в корабль!

3

Тут было немало
отважных шагов
к «Фоке» по причалу
шел смелый Седов,
чтоб после на полюс
упрямо шагать
и гордую повесть
о русских слагать.
Вернулись герои,
сошли с корабля –
шаги капитана
не слышит земля.

4

Тут были мечтатели
русской земли...
Усталого Грина
шаги привели
к реке и закату,
к беседке одной,
и долго скиталец
следил за Двиной.
И вдруг в воспаленных
печальных глазах
блеснул алый парус
на быстрых волнах.

5

Немало шагов
ещё берег хранит,
он крепок и тверд,
он гранитом покрыт.
Но некогда плитам
гранитным скучать,
шаги продолжают
и будут стучать!
Шаги корабелов,
шаги моряков,
искусных и смелых
моих земляков!

Владимир Попов
Архангельский мотив

В жёлтые оконца
наглядевшись вдосталь,
заходило солнце
за Кег-остров.

Красною подковою
в Бело море падало.
Катер шёл, как конь в воде
через паводок.

Пена мягко-мыльная –
о прибрежный камень.
Птицы машут крыльями –
белыми платками.

Город плыл вечерний
в тёпкое свечение,
и веслом ему была
старая Соломбала.

Дмитрий Ушаков
Архангельску

Я о тебе не пел...
Прости.
Боялся, что слова
сотрутся,
Не верил, что мои пути
С твоими все ж
не разойдутся.
Есть океанья ширь
земли.
И ветер есть звонкоголосый.
Есть города, есть корабли,
В которых счастье быть
матросом.
Я твой матрос –
и навсегда,
И как бы люди
не корили,
Меня другие города
Не завлекли,
Не заманили.
Твоих причалов гул
и гром,
Двины бурливое ворчанье,
И двухэтажный старый дом –
Лишь это только
Изначально.
А если как-то невзначай
Я порешил уехать все же,
То знай – с того меня
Печаль
Отныне часто так тревожит.
И если заживусь вдали,
То будет на сердце
не просто...
Есть города, как корабли,
Я остаюсь твоим вопросом.

Ольга Фокина
Соломбалка

Чтобы Север не обидеть,
Невзначай не осудить,
Друг приезжий, выйди, выйди.
Выйди, дома не сиди!

Милый Север, добрый Север!
Где у самых у дверей –
Белый клевер, красный клевер,
И осока, и пырей!

Мостовые, мостовые,
Как кому, а мне близки
Соломбальские живые
Деревянные мостки.

Раз осудишь, два осудишь,
А чтоб в третий не гореть, –
В третий раз зевать не будешь, –
Будешь под ноги смотреть.

Соломбалка, Соломбалка –
Ни река, ни ручеек.
Ни купанья, ни рыбалки,
Ни водички на чаек!

Соломбальцам чай не нужен, –
Сколотили мастера
Флот не меньше, флот не хуже,
Чем у Первого Петра.

Миллион, а может, боле –
Лодка к лодке, к ряду ряд,
В Соломбалке на приколе
Чудо-лодочки стоят.

Выбирай себе любую,
Выбирайся на Двину,
На большую, голубую,
На высокую волну.

Валерий Чубар **Ветер с Двины**

Это ветер с Двины - ты не ждёшь его - он приходит,
принося те слова, что рождаются в небесах.
Ты не ждешь этих слов, ты спокоен и счастлив, вроде -
только стрелки, стрелки движутся на часах...

Это ветер с Двины. Нет спокойствия, нет покоя,
потому что и не было, не было никогда.
Ты же знаешь, Господи, если ветер взвоят,
облака поплывут, облака поплывут, как года...

Это ветер с Двины. И гадай не гадай - прогадаешь,
промелькнёшь смутной тенью, в прибрежный канув ивняк.
Ты живешь на Земле - дует ветер. Ты умираешь -
дует ветер, ах, как он дует, ах, как!

Это ветер с Двины. Он вечен. А ты - не вечен.
Ветер плачет, смеётся - ему-то, ему-то что!
Ветер ангельски чист и он же бесовски беспечен,
ветер тянет, тянет своё протяжное "о-о-о..."

Это ветер с Двины. Он промчится, пронзая город.
Город? Это кто и что тут такое нагородил?
Есть тепло на Земле - на Земле есть еще и холод,
ветер быстро, быстро напомним тому, кто это забыл.

Это ветер с Двины - не попутный, а встречный ветер.
Верь поэту, верь ветру - они не солгут тебе.
Ты еще не спросил ничего - а ветер уже ответил
на вопросы твои и всё рассказал о твоей судьбе.

Александр Яшин
Запасаемся светом
Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес
И все лесом,
Да лесом,
Где в затонах озер
Лебединые крепки,
Тундры снежный простор
Вроде южные степи;
Где ветров ералаш
Да суметы по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском
Полюс.
У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.
Грех на море пенять-
Рыбы
вдоволь,
А все же
Золотую поймать

Не случилось,
Не можем.
Не всегда на обед
Апельсины
и дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.
Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени,
и кони.
Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты ...
Но моим землякам
Любы эти широты.
Ночи, правда, невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.